

С.Н. Палаузов

**Ростислав Михайлович,
русский удельный князь на
Дунае в XIII веке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С.Н. Палаузов**
Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае в XIII веке / С.Н.
Палаузов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 55 с.

ISBN 978-5-458-00344-5

ISBN 978-5-458-00344-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тахъ. Родится съ Венгерскимъ Королемъ Белой IV, и выдаетъ одну дочь свою за Премыслава-Оттокара Чешскаго, другую за Болгарскаго Царя Михаила Юанновича Асѣня. Наконецъ, пользуясь смутами, возникшими въ Терновѣ по случаю убіенія Михаила, помогаетъ сыну своему, таинственному Мичѣ (Михаилу), занять, хотя не на долго, престолъ Велико-Терновскій. Но судьба этого Князя такъ любопытна, сличеніе объ немъ извѣстій, находящихся въ Русскихъ, Греческихъ и Венгерскихъ Лѣтописяхъ, разливаютъ такой свѣтъ на нѣкоторыя событія его времени, что не излишне будетъ нѣсколько подробнѣе и сколько позволятъ историческія данныя объяснить эту личность. Въ рассказѣ нашемъ мы будемъ касаться слегка только тѣхъ событій, которыя имѣли непосредственное вліяніе на постепенный переходъ его съ отдаленнаго Сѣвера къ Югу, съ береговъ Волохова и Диѣпра на берега Дуная и Моравицы.

Личность Ростислава отмѣчена рѣзкими чертами не въ однѣхъ Русскихъ Лѣтописяхъ. Лѣтописцы Западные и Венгерскіе, при всемъ равнодушіи къ иноземному, не могли пропустить безъ вниманія характерности Русскаго Князя, которая противъ ихъ воли высказывается въ ихъ голословныхъ повѣствованіяхъ. Имя Ростислава, искаженное Греческимъ произношеніемъ и письмомъ, является такъ же и у Византійцевъ. Не смотря на какую-то невнимательность къ лицу, принимавшему жаркое участіе не только въ событіяхъ Юго-Западной Руси, но игравшему замѣчательную роль и у Славянъ Южныхъ,—

лиде это едва ли не изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка.

Безъ сомнѣнія, судьба Ростислава, послѣ ухода его въ Венгрію, легко могла укрыться отъ Русскихъ Лѣтописцевъ. Въ самой Россіи, находясь среди дружины, болѣе вѣстужалыхъ дѣятелей, каковы были Георгій и Ярославъ Всеволодовичи, Михаилъ Черниговскій, — отецъ его, Даниилъ Романовичъ, и другіе, — Ростиславъ, хотя и съ юныхъ лѣтъ вступилъ на обширное политическое, но, какъ извѣстно, дѣйствовалъ не иначе, какъ подѣ руководствомъ отца, закрытый болѣе могучими личностями. Когда же годы утвердили въ немъ опытъ жизни, начатый со столь раннихъ лѣтъ, — Ростиславъ уходитъ въ Венгрію, вступаетъ въ родство на чужбинѣ, получаетъ особый удѣлъ, подѣ верховною властію Короля, и исчезнувъ съ тѣхъ поръ изъ Русскихъ Лѣтописей, напоминаетъ о себѣ только во время стремительныхъ своихъ набѣговъ на Галичь, напоминая, какъ о лицѣ враждебномъ Руси, чуть ли не съ тою же ненавистью, съ какою изображено нашествіе Татарское. Послѣ этого не слишкомъ ли смѣло и самопалѣянно рѣшаемся мы выступить на защиту Ростислава и его рода? Лѣтописи предѣ нами; постараемся высказать ихъ настоящій смыслъ, и, если возможно, смягчить то невыгодное мнѣніе, которое оставилъ за собою Ростиславъ и отецъ его Михаилъ.

Въ эпоху сильнаго размирья Русскихъ Князей, Ростиславъ въ свою очередь явился съ не меньшими правами, основанными на притязаніяхъ своего рода, стремясь къ достиженію великокняжеской

власти. Не въ одной Россіи удѣлы приняли такое развитіе; напротивъ, всё соплеменныя съ нею Славянскіе народы представляли разновременно тѣ же послѣдствія родового начала; удѣлы въ Болгарскій земль (2), удѣлы въ Сербіи, въ Чехіи, въ Польнѣ. Но нигдѣ въ этихъ странахъ они не приняли такого колоссальнаго развитія, какъ въ Россіи. Это, очевидно, и случилось самымъ естественнымъ образомъ. Столкновение дружиннаго начала, пришлого вмѣстѣ съ Рюрикомъ и его сподвижниками, дало сильный толчекъ къ отрядательному развитію начала родового.

На долю огромному Славянскому племени не досталось того, что было исключительною принадлежностію племенъ Кельтскихъ и Скандинавскихъ, Религіозныя понятія древнихъ Славянъ, не признавая никакой непосредственной связи между божествомъ и человекомъ, не дали, по этому, развиться у себя, подобно какъ у сосѣднихъ народовъ, особой касты жрецовъ, касты іерархической. Кому не извѣстно, до какой степени развитія доходило достоинство верховныхъ представителей народа у Кельтовъ и Скандинавовъ. На этомъ достоинствѣ опиралась идея верховной власти, идея аристократіи. Она вмѣстѣ съ Варяго-Руссами пробирается на Сѣверъ Россіи, пере-

(2) Первые удѣлы были въ при Донской Болгаріи (660.—698).

Пять сыновей Кобрата оспаривали верховную власть другъ у друга.

Вторые — съ 1300 годовъ. Болгарія, раздѣленная на Княжества и Господарства, сдѣлалась легкою добычею Турецкихъ завоевателей. Въ то время, когда Славяне Руси освобождались изъ-подъ ига Татаръ, Славяне Южныя терали, тѣмъ же Татарамъ, свою независимость на Коссовомъ полѣ.

оживается на Югъ; — въ Кіевъ, гдѣ неминуемо послѣдовало столкновение этихъ двухъ началъ. Что было въ Новгородѣ до загадочныхъ временъ Гостомысла и Рюрика, и какъ смотрѣли Сѣверные Славяне на новый, имъ чуждый порядокъ вещей, — намъ не извѣстно. Иначе было на Югѣ. Слѣды рода мы находимъ еще здѣсь до историческихъ временъ Сѣверной Руси (3), находимъ ихъ такъ же при Ольгѣ (4).

Но обратимся къ нашему Князю; оговорка была необходима, чтобы показать, съ какой точки мы будемъ смотрѣть на дѣйствія Ростислава.

Возьмемъ же нить нашего повѣствованія съ той поры, когда, приведенный среди сонма старшинъ Новгородскихъ, юный Княжичъ рѣшаетъ выборъ

(3) У Феофана, стр. 376. Независимые Русскіе Князья подаютъ, въ 774 году, помощь Телерику, Королю Болгарскому. О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ Князей хронографъ ничего не говоритъ; но чтобы ихъ вовсе не было — едва ли можно допустить такое предположеніе.

(4) Соци. Рогр. de Сег. aulae Вузанс. р. 393.

Разсказывая о приемѣ, сдѣланномъ В. К. Ольгѣ при Дворѣ во время ея пребыванія въ Царьградѣ, и описывая свиту Ольги, Имп. Конст. говоритъ, что съ нею прибыли и 20 пословъ 20-ти Русскихъ Князей; — *τῶν ἀρχόντων Ρωσσίας ἀποκρισάτων*. Ольга, сколько извѣстно, имѣла одного сына, Святослава.

Не страннымъ ли покажется это извѣстіе Лѣтописца Греческаго, — извѣстіе современное самому событію? Но оно было такъ, а не иначе. Съ этимъ самымъ согласуется и извѣстіе Нестора, что въ древней Руси, кромѣ Кіевскаго, были и другія Княжества, — Черниговское, Переяславское, Ростовское, Любечское, Полтеское и другіе; *по тѣмъ бо городамъ сядяшу Князья подѣ Ольгомъ суще.*

Владыни. Прослѣдимъ жизнь его и участіе, которое онъ принималъ въ тѣхъ событіяхъ Сѣверной и Южной Руси во время Татарскаго нашествія, понудившія его оставить навсегда родину. Наконецъ постараемся изобразить дѣйствія его въ Венгріи, отношенія къ Болгарин, которой выгоды были такъ близки ему, что Верховный Совѣтъ Терновскихъ Бояръ удерживалъ его на нѣкоторое время, какъ лучшаго и вѣрнѣйшаго посредника между Болгаріей и Царьградомъ Императоромъ Ласкаремъ. Не одна политика руководила Ростислава въ принятомъ имъ участіи въ дѣлахъ Болгарской земли: кромѣ родства съ Михаиломъ Иоанновичемъ Асѣнемъ, за которымъ была старшая дочь Ростислава, одинъ изъ сыновей послѣдняго, Михаилъ, занималъ даже, какъ замѣтили выше, престолъ Велико-Терновскій.

Въ томъ же году, когда имя Ростислава впервые является на страницахъ Русскихъ Лѣтописей, отецъ его, Михаилъ Всеволодовичъ, долженъ былъ ѣхать обратно въ Черниговъ. Ростиславъ оставался одинъ въ Новгородѣ. Прощаясь съ гражданами, Михаилъ, увѣренный въ *Правду Новгородскую*, желалъ только одного отъ нихъ, чтобы сынъ его былъ возвращенъ ему съ честью (5). Черезъ

(5) Соф. Врем. изд. П. Строева, подлѣ 1229 г. Приде Ки. Михайло изъ Чернигова въ Новгородъ, и ради быша Новгородцы, и цѣлова Князь крестъ, что ходити по Ярославичи грамотамъ а болѣ того не изневолятъ Новгорода.

Троицкая Лѣт. подлѣ 1229.—Тогожь лѣта поиде Князь Михайло въ Черниговъ въ братин, а сына своего Князя Ростислава остави въ Новгородѣ, и рече: дай Богъ и правда Новгородская исправити, теже сынъ мой отъ васъ полти.

годъ, т. е. въ 1230, мы видимъ Михаила опять въ Новгородѣ, совершающимъ обрядъ постригъ въ Софійскомъ храмѣ, надъ Ростиславомъ и утверждающимъ его на столѣ Новгородскомъ (6).

Юный Ростиславъ, оставившись одинъ въ Новгородѣ, руководимый посадникомъ Воловикомъ, которому, безъ сомнѣнiя, былъ порученъ самимъ Михаиломъ, является какъ бы лицомъ страдательнымъ среди тревоголюбивыхъ гражданъ. Сначала мятежъ въ самомъ Новгородѣ, по случаю жестокостей Воловика, потомъ дороговизна и голодъ, и наконецъ враждебныя отношенiя брата В. Кн. Георгiя, Ярослава Всеволодовича, овладѣвшаго уже Волокомъ-Ланскимъ;— все это заставило Новгородцевъ звать отца, не надѣясь на неопытность Ростислава. Впрочемъ, намѣренiя Михаила не согласовались съ видами Новгородцевъ. Онъ желалъ съ Ярославомъ мира, желалъ его по тому, что не хотѣлъ упустить изъ виду своихъ личныхъ выгодъ на Югѣ Россiи, занявшись исключительно распрей между Ярославомъ Всеволодовичемъ и Новгородомъ, и этимъ своимъ поступкомъ возбудилъ противъ себя нелюбовь сѣмьихъ Новгородцевъ. Ростиславъ находился въ это время въ Торжкѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ извѣтiемъ о миролюбивомъ посредничествѣ отца, получилъ онъ и вѣсть о своемъ отрѣшенiи отъ стола Новгородскаго, по той причинѣ, какъ говорили ему посланные,

(6) И створа постригъ сыновя своему Ростиславу у Св. Софiи... и посади его на столѣ, и самъ поше въ Църквию (О постригахъ см. Карамз. III, стр. 83, и прим. 143, 144 и 145. Изд. Энциклопед.).

кто отецъ наставлялъ сына, и что сына не достоинъ быть ихъ главой.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ четырехъ годахъ, Лѣтисис молчать объ Ростиславѣ. Впрочемъ, изъ Торника, онъ отправился въсѣчь съ Воловецкомъ и дружинами кутынами къ оуду въ Черниговъ, и только въ 1234 году снова явдается на сцену Исторіи, подъ Ярославемъ Галицкимъ, какъ союзникъ Бемы IV, и помолвленый на дочери его Динѣ (7).

Быстра развивались событія въ Южной Руси, когда главнымъ иль двигателемъ былъ безвзрочный Данилъ: между тѣмъ Батыевы полчища все ближе и ближе подвигались къ Днѣпру. Михаилъ и Ростиславъ держали Галичь. Безпомощны были старшія Данила изгнать ихъ оттуда— *заговорила бо ея бляста во градъ и: Уари мнѣмощно бляшати у нихъ.* Бема уже явно поддерживала междоусобія. Юго-Западной Руси, всѣми силами старалась воспрепятствовать ей слиться подъ однимъ владѣніемъ. Михаилъ, узнавъ объ отъѣздѣ изъ Кіева Князя Ярослава, тотчасъ поспѣшалъ овладѣть этимъ городомъ, оставивъ въ Галичѣ Ростислава. Но и Данилъ не дремалъ. Онъ въ свою очередь подстерегъ Ростислава, коварнаго въ Литву, обступилъ Галичь, и заставилъ его добровольно сдаться. Узнавъ объ этомъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, и успѣлъ укрыться отъ погони, посланной въ слѣдъ ему Даниломъ (1236) (8).

(7) У Прая, ad ann. 1240. Пальма ставитъ это событіе въ 1236 г. Слѣдуетъ изъясненію Шпатъ: Лѣтисис, гдѣ Ярославъ, а за нимъ Владиміръ Волынскій были тѣмъ Белой въ 1234.

(8) Ростиславъ не бѣжалъ въ Венгрію, а въ Бельгію, на Борьсуковъ Дѣлъ, пришеде къ Бави, рекомѣй Родна, да отту-

Можно ли винить Ростислава въ томъ, что онъ въ самую критическую для Россіи минуту оставляетъ родину и укрывается при Дворѣ Белы, куда впрочемъ звали его и другія обязанности? Обставленный лицами, ему и его роду враждебными, между которыми дѣятельнѣе всѣхъ представляется Данилъ Романовичъ, — Ростиславъ всегда являлся жертвою обстоятельствъ. Едва онъ успѣлъ приѣхать въ Венгрію, какъ уже отецъ его Михаилъ (въ 1240), и вскорѣ за нимъ самъ Данилъ поспѣшили по его же слѣдамъ уйти отъ приближающихся Монголовъ. И здѣсь Данилъ не оставляетъ крестоносцевъ: старается расторгнуть предположенный бракъ, предложивъ Белѣ отдать дочь за сына своего Льва; но Король, отказавъ обоимъ, прогналъ ихъ отъ себя прочь (9).

Изгнанные такимъ постыднымъ образомъ, бѣглецы принуждены были оставить Венгрію, убѣгая отъ приближающагося Батыя, точно такъ же, какъ бѣжали они и изъ Россіи. Слѣдуя по стопамъ отца, Ростиславъ идетъ въ Польшу *ко уземъ своему въ Дялы и ко Кондратови*. Михаилъ старается чрезъ пословъ склонить Данила на мировую, и послѣдній обѣщаетъ ему Кіевъ, а Ростиславу Луцкъ. Но Михаилъ не смѣлъ одинъ, безъ дружины, явиться въ Кіевъ *за страхъ Татарскій*. Долго блуждала нагнанники изъ одной страны въ другую. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Ипатьевская Лѣтопись подѣ

да иде въ Угрь... Данилови же увѣдавшу ухолъ ихъ, посла на нѣ вое саде, и гнаша по нхъ до горъ. *Ип. Л. 1236 г.*

(9) Не идася дѣвки своей Ростиславу и погна и пронь. *Ипат. Лѣт.*

1238 г. «Михаилъ, узнавъ, что Кіевъ взятъ, бѣжалъ съ сыномъ своимъ въ Польшу къ Кондрату. Но такъ какъ Татары приближались, то Михаилъ уходитъ далѣе въ землю Вратиславскую и приходитъ къ мѣсту, называемому Берода (Сирадія), былъ здѣсь ограбленъ Нѣмцами, которые, видя богатый и пышный поѣздъ Русскаго Князя, напали на его людей и даже внуку его убили (10). Наконецъ они появляются на роднѣ. Михаилъ идетъ къ Кіеву, не смѣя однакожь войти въ городъ, останавливается на одномъ изъ острововъ Днѣпра, Ростиславъ же посылаетъ въ Черниговъ, или вѣрнѣе на его развалины (1240 г.).

Въ слѣдующемъ 1241 г. собравъ Болоховскихъ Князей и часть Галичанъ, ему преданныхъ, Ростиславъ вторгается въ земли Даніла, подступаетъ къ Бакотѣ, въ Понизьѣ, откуда былъ отраженъ Кирилломъ, Даніиловымъ печатникомъ. «Отраженный Ростиславъ хотѣлъ угговорить его; но Кириллъ отвѣ-

(10) Конрадъ Старый, Кузнецъ, женатъ на Русской Княжнѣ Агаѳи, приходился дедой Михаилу Черниговскому; братъ Конрада, — Мѣшекъ Бѣлый, Краковскій, былъ также женатъ на Русской Княжнѣ Гремиславѣ.

Объ убіеніи внука Михаила Черниговскаго см. остроумное примѣчаніе О. М. Бодянскаго къ перев. статьи Палацкаго: *О Рус. Кн. Ростиславѣ и его родѣ*, помѣщенной въ Читеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ № 3. Москва 1848 г. — гдѣ онъ говоритъ: «Это событіе не могло ли поводомъ къ сказанію объ убіеніи Красной Кудявны Нѣмцами, которое по Кракедворской рукописи и старо-Нѣмецкой легендѣ о Св. Гедвигѣ, было, де, причиною нашего свѣта Татаръ на земли Христіанскія и случилось по словамъ послѣдней у города Середы (Neuschagk)?»

часть ему : такъ ли ты отплатишь дяди́мъ твои́мъ (Дани́лу и Васи́лку) за ихъ добродѣянія ? Забылъ ли ты, когда Короля Угорскій изгналъ тебя и отца твоего (и Дани́ла) изъ земли своей, какъ приняла вась, Господа мона́ха твоего дяди́ ? Отца твоего держали въ великой чести, общали Кіевъ, а тебѣ Луцкъ даи, и мать твою, а свою сестру, захитали изъ рукъ Ярослава, отцу твоему возвратила. Иначе и не могъ говорить современникъ и при томъ же приверженецъ Дани́ла. Тогда Ростиславъ, сопровождаемый Галицкыиъ Бояриномъ Владиславомъ, летѣли, переправившись иза Днѣпръ, занимаетъ Галичь и Перемышль, гдѣ имѣлъ еще преданныхъ себѣ друзей. Но Дани́лъ стремился уже отстоять Галичь. Ростиславъ, въ сопровожденіи Артемія, Епископа Галицкаго и другихъ Галичанъ, уходитъ въ Щекотовъ : но услыхавъ, что Батый, возвращаясь изъ Венгрии, намеренъ воевать *землю Галицкую*, и не имѣя болѣе пристанища на родинѣ, снова обращается къ Белѣ, который наконецъ отдаетъ за него дочь свою (1243) (11).

Чтобы послѣдовать за Ростиславомъ на новое его поприще внѣ Россіи, чтобы вполне заняться имъ на чужбинѣ, желательно было бы отдѣлить его отъ родины въ то время, когда онъ окончательно поселяется въ Мачевскомъ своемъ уѣздѣ, имѣи резиденціей Бѣградъ Дунайскій. Изъ текущаго разказа мы увидимъ, что отношенія Ростислава къ Южной Россіи не совсѣмъ прервались, и что стремленіе

(11) *Ипат. Л.* — Ростиславъ разгнаша Татаровѣ въ Ворку и бѣжа Угры, и власть за въ пакы Король Угорскій дочери свою.